

Кожевников В. А. Преобладание научного сомнения в современном неверии // Богословский вестник 1911. Т. 2. № 6. С. 336–360
(2-я пагин.). (Продолжение.)

Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современному невѣріи.

III.

Если въ трудовой средѣ существенное вліяніе на ростъ невѣрія по научнымъ основаніямъ или предубѣжденіямъ оказали успѣхи техники и развитіе индустриализма, то въ средѣ интеллигентной въ томъ же направлений оказалъ замѣтное воздействиѣ другой факторъ, а именно: *историческая критика взаимныхъ отношеній науки и вѣры въ прошломъ*. Для умовъ, уже заразивъ настроеныхъ антирелигіозно, существенно важнымъ было установить фактъ, что противоположность религіознаго и научнаго міровоззрѣнія—явление не временное и переходящее, а постоянное, остающееся, что оно вытекаетъ не изъ случайностей или злоупотреблений, а изъ самыхъ основъ обоихъ міровоззрѣній.

Въ началѣ второй половины XIX вѣка эта, настолько же эффектная, насколько трудная и ответственная тема сосредоточила на себѣ вниманіе нѣсколькихъ историковъ культуры, отъ такихъ поверхностныхъ и тенденціозныхъ, какъ Шерръ и Генне-ам-Риъ, до такихъ серьезныхъ, какъ Бёкли и Леккі. Отъ первыхъ нечего было и ждать вдумчиваго и добросовѣстнаго научнаго разслѣдованія сложнаго вопроса, разобраться въ которомъ объективно и беспристрастно можно было фанатическая предубѣжденіость противъ религіознаго начала, доходившая до такого остылія, что Генне-ам-Риъ, напримѣръ, отрицать, чтобы во всей исторіи цивилизациі можно было указать хотя бы одинъ моментъ самостоятельной религіозной культуры; то, что „выдавалось“ за специ-

фически-религиозный элементъ, было, по этому истолкованию, только узурпацией иностранныхъ начальъ научного и философскаго, художественнаго и нравственнаго, которыхъ Церковь будто-бы полновластно "монополизировала" съ одностороннею и своеокрыстною цѣлью, вводя продукты творчества иныхъ факторовъ въ свою богословскую доктрину и санкционируя ихъ своимъ авторитетомъ, но зато и обрекая ихъ на омертвение въ разъ навсегда закрытой и отграниченнной формѣ догмата и канонического мнѣнія.

Еще рѣзче выражено общее антирелигиозное предубѣжденіе у типичнаго по развязности и безцеремонности шестидесятника Іоганна Шерра, оказавшаго, къ несчастью, въ свое время такое широкое вліяніе на наипу публику, столь не взыскательную въ выборѣ чтенія и въ расцѣпкѣ прочитаншаго. „Гуманная вѣрованія, настроенія и подвиги современного общества“, говорить Шерръ, „не только не внушиены христіанствомъ, но они, напротивъ, но существу своему, — нехристіанскіе. Эти сѣдѣствія современной культуры пронестекаютъ изъ заботы и радости о земномъ, изъ сомнѣній, изъ противорѣчія и противодѣйствія онекъ духовенства, изъ свободы изслѣдованія, изъ попечений о чувствѣ красоты, изъ созиданія жизниточности и всесторонняго комфорта.. Словомъ,—изъ всего того, что рѣшительно отвергается аскетическимъ, то есть, противоестественнымъ, монашескимъ, антисоціальнымъ и враждебнымъ проевропейскою христіанствомъ. Каждый истинный христіанинъ есть, въ поиномъ смыслѣ слова, смертельный врагъ цивилизациі“¹⁾.

Могла ли сдѣлать безпристрастные выводы и заключенія по вопросу объ отношеніяхъ религій къ землю такая критика, разсматривавшая всю духовную жизнь минувшихъ вѣковъ сквозь кровное увеличительное стекло своихъ собственныхъ предубѣждений, настолько уродовавшихъ предметъ изслѣдованія? Не диво, что здѣсь получились такие комически-грозные приговоры, какъ стѣдующій, извѣщеній Бюхнеромъ изъ покрытаго икакую забвенія арсенала вольнодумцевъ еще XVIII вѣка: „если изучать исторію, можно прийти къ убѣждѣнію, что все человѣчество отъ вре-

¹⁾ Объ цитаты (Генне и Шерра) сопоставлены у Шпехта, *Theologie und Wissenschaft*, 367, 368—9, разумѣется, въ одобритѣльномъ смыслѣ.

мень Константина до временъ Лютера было сплошь помѣшано!“¹⁾.

Въ настоящее время такие карикатуры шрѣмы обсужденія культурно-историческихъ процессовъ не могутъ расчищать на успѣхъ въ кругахъ серьезно образованныхъ. Однако эпигоны безцеремонно отрицательной критики влияния религіи на цивилизацию еще не совсѣмъ вымерли. Такъ, напримѣръ, въ вышедшей еще въ 1892 г. книжѣ позитивиста Андрэ Лefевра читаемъ: „цѣнность цивилизаций обратно пропорциональна ея религіозности: будущее—только за наукой“²⁾.

Какая-бы громадная разница ни отѣляла отъ выше очерченныхъ произведений труды Бёклия, Лекки и Дрэпера, отдавая должное ихъ разносторонней ученой подготовкѣ и перѣдкой, у двухъ первыхъ авторовъ, тонкости анализа, мы все же вынуждены признать, что даже этимъ, болѣе вирочемъ осторожнымъ, нежели глубокимъ умамъ не удавалось оцѣнить по достоинству сложнаго процесса вліянія религіи на общиі ходъ исторического развитія и на ростъ научного просвѣщенія въ частности. Сторонники иевѣрія горятятся тѣмъ, что Бёклъ будто-бы установилъ фактъ, что каждый шагъ мірового процесса вызванъ быть силой иевѣрія и что, по Лекки, „почти весь величайший интеллектуальный побѣды трехъ послѣднихъ вѣковъ имѣли своимъ предпосылкомъ и подготовкою ростъ сомнѣнія“³⁾. Но критика болѣе широкая во взглядахъ и, главное, болѣе безпристрастная, имѣть полное основаніе отмѣтить, что въ блестящихъ работахъ обоихъ историковъ, рядомъ съ крупной иереоцѣнѣй значенія скептическаго духа, замѣчается еще большая недооценка огромнаго, положительного и благотворнаго вліянія элемента вѣры на ходъ развитія всемирнаго просвѣщенія.

Непрѣбѣжимъ следствіемъ этой общей несоразмѣрности исторического наблюденія и сужденія явилось и ошибочное преувеличеніе вліянія Церкви и богословія на прогрессъ точнаго знанія. Церковь, утверждалъ Дрэнерь, возвела себя въ хранительницу и судью знанія и такимъ образомъ стала

¹⁾ Buchner. Der Gottesbegriff. 4.

²⁾ A. Lefèvre. La Religion. Paris, 1893, 572, 573.

³⁾ Watts. The glory of Unbelief. 13, 14.

камнемъ преткновенія всего умственнаго прогресса Европы болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ¹⁾. Въ этомъ же смыслѣ Лекки утверждаетъ, что богословская система, словно грузная масса Альпова, давила христіанство и что ея вліянію, болѣе, чѣмъ какимъ либо инымъ причинамъ, слѣдуетъ приписывать „всебоющее искалеченіе мысли“²⁾. „Поистинѣ чудесно“, говорить Лекки, „какъ, среди ужасающихъ богословскихъ пренятствий, преграждавшихъ путь наукѣ, она могла еще возродиться! Въ связи съ системой библейскаго объясненія, столь обязательнаго и въ то же время столь фантастического, что оно неизбѣжно оказывалось въ противорѣчіи съ каждымъ научнымъ открытиемъ... дѣжалось рѣшительно все для укрѣпленія образа мыслей, противоположнаго научному. Непрестанное прославленіе слѣпой вѣры, безчисленныя чудеса, дѣтскія легенды—все порождало состояніе грубаго невѣжества и низкопоклоннаго, трусливаго легковѣрія, едва ли когда либо и гдѣ либо превзойденного, развѣ лишь среди самыхъ дикихъ варваровъ. Каждый видъ новинства считался за преступленіе; высшее знаніе возбуждало только ужасъ и досаду; въ области умозрѣнія оно считалось за ересь, въ предѣлахъ изученія природы—за магію“³⁾.

Такія характеристики вѣковъ вѣры приводили въ неопинуемый восторгъ критику и нубтику шестидесятыхъ годовъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ Голевича, пѣмецкаго переводчика „Исторіи рапіонализма“: „если трудъ Гиббона есть трагедія исторіографіи, то работа Лекки есть ея Бояжественная Комедія и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—всемірный Страшный Судъ: изъ ада средневѣковой Церкви, освѣщаемой христіанскими ко-страницами для сожженія еретиковъ, Лекки, черезъ чистилище реформаціонной борьбы, ведетъ къ раю умственной свободы“⁴⁾. Но восторженные рецензенты и читатели совершили опускани изъ виду, что не „все (будто бы) сокрушилъ авторитетъ церковной іерархіи, териѣвшией только одно пло-

¹⁾ Draper. History of the Conflict between Religion and Science. London, 1876, 52; ср. 157.

²⁾ Lecky. Geschichte des Ursprungs und Einflusses der Aufklrung in Europa. Leipzig und Heidelberg. 1868. I, 215.

³⁾ Тамъ-же. I, 214.

⁴⁾ Тамъ-же. Vorrede des Uebersetzers. VIII—IX.

ское тупоуміє, да пізконаклонну лесть”¹⁾, и не ученіе о боговдохновенности Свяще. Писанія були причиною того, что суевѣріе будто бы, какъ думаетъ Леккі²⁾, „покрыло собою всѣ области человѣческаго знанія“. Причиною, прежде всего, было то, что общий строй средневѣкового міра—и жизнен-воззрѣнія, въ которомъ симпатіи народа и самой интеллигентії совпадали съ церковными не по принужденію, а по убѣжденію и добровольно, быть направленъ не въ сторону реалистической и натуралистической любознательности, а въ совершение иную область³⁾. Что Средніе Вѣка были *не противъ науки*, но что имъ было *не до науки*, что этотъ долгій періодъ исторіи, при болѣе старательномъ и безпристрастномъ обслѣдованіи, оказался вовсе не такимъ застороннимъ и неподвижнымъ, какъ долго думали, что ему были свойственны и потребность въ цѣльной, стройной, глубоко продуманной культурѣ, и широкіе отвѣты на эту потребность, но только въ самобытномъ смыслѣ и въ своеобразныхъ формахъ, чуждыхъ и непонятныхъ для поклонниковъ односторонняго противурелігіознаго раціонализма,—это все выяснилось въ срав-нително недавнее время, лишь посль цѣлаго ряда новыхъ, расширенныхъ и углубленныхъ изслѣдований въ областяхъ исторіи философіи, литературы, искусства, политической эко-номіи, государственного и правового строя и обще-культур-ныхъ условій быта Средніхъ Вѣковъ. Обнаружились такимъ образомъ не только разнообразіе и богатство этой оригиналь-ной культуры, но и обилье и важность попытокъ отклоненія отъ ея главнаго теченія. И если, тѣмъ не менѣе, постѣд-нимъ не удавалось добиться широкаго успѣха, то причиною тому, какъ выяснилось тѣми-же изслѣдованіями, было да-леко не одно преслѣдованіе со стороны Церкви, а, въ не-

¹⁾ Jolowitz. Ibid. VI.

²⁾ Lecky. Geschichte der Aufklrung. I, 213.

³⁾ Совершенно вѣрно замѣчаетъ Roure. En face du fait religieux. Paris, 1908, 207: „не религіозныя опасенія пріостановили въ Средніе Вѣка про-грессъ наукъ, а направленный въ иную сторону заботы и стремленія. Ни одинъ вѣкъ не въ силахъ объять собою все.. но балансъ человѣческой дѣятельности, если бы было только возможно возстановить его во всей полнотѣ примѣнительно къ этимъ, не достаточно и певѣрно познанымъ временамъ, показать бы, что они имѣли бы мало основаій завидовать нашему времени“ (относительно энергіи дѣятельности).

сравнению большей степени, дружное преобладание въ обществѣ убѣжденій и настроеній, противоположныхъ этимъ отклоненіямъ.

Но, повторяемъ, для одностороннихъ рационалистическихъ историковъ шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ этихъ соображеній не существовало. Органическое объясненіе сложнѣйшихъ культурныхъ процессовъ они замѣняли объясненіемъ механическимъ, прямолинейная простота资料 было обратно пропорціональна степени глубины и вдумчивости. „Исторія столкновеній между религіей и наукой“ Дрэпера, какъ по заглавію, такъ и по общей точкѣ зренія, является наиболѣе характернымъ образцомъ этого рода критики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, произведеніемъ, особено сильно, рядомъ съ трудомъ Бѣкля, новліявшимъ на отношеніе, быть можетъ, цѣлаго поколѣнія къ данному вопросу. То, что, въ дѣйствительности, было *лишь однимъ изъ слѣдствій* среднѣвѣкового міровоззрѣнія, и притомъ для него далеко *не первостепеннымъ* по значенію,—равнодушіе къ наукѣ,—возведено было въ *центральное начало* всей духовной жизни цѣлаго періода міровой исторіи и было изъ явленія пассивнаго, естественно возникавшаго, превращено въ *активное*, будто бы искусственно, предумышленно и даже *тенденціозно* проводившееся и злоумышленно, по нечистымъ побужденіямъ, обострявшееся Церковью. Исторія науки для Дрэпера и его послѣдователей стала такимъ образомъ „новѣстью о столкновеніи ученаго разума съ обскурантизмомъ вѣры“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „продолженіемъ борьбы христіанства изъ-за обладанія политической властью“ ¹⁾). Эту, столь грубо-ошибочную точку зренія авторъ ставить себѣ въ заслугу, похваляясь, что до него никто еще не трактовалъ такимъ образомъ исторію науки ²⁾.

Другой, хотя и болѣе умѣренный по взглядамъ американской же исторіи того же процесса, Уайтъ ³⁾ превратилъ его изъ столкновенія „(The Conflict“ у Дрэпера) уже въ на-

¹⁾ Draper. History of the conflict between Religion and Science. London, 1876; Preface, p. VI—VII.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Опь признаетъ, что христіанство многое сдѣлало для науки, что оно часто двигало ее впередъ White. The Warfare of Science. London 1876, 9.

стоящую „войну“ („The Warfare of Science“): онъ воспѣваетъ „великую, священную борьбу за свободу науки, войну болѣе долгую, съ боями болѣе лютыми, чѣмъ всѣ, сравнительно, преходящія войны Цезаря, Наполеона или Мольтке“.

Цѣлью историческихъ обзоровъ этого рода, по признанію Тундэля, было „показать вѣрюющимъ и миру вообще, что, въ противовѣсь благамъ, дарованнымъ религіозными ассоціаціями человѣчеству, имѣется обширный лебѣтъ совершенаго ими зла, продолжаемаго Церковью, по крайней мѣрѣ католической, ¹⁾ и понынѣ ²⁾). А вотъ и конечная заключенія такого рода разслѣдованій въ формулировкѣ Дрэпера. „Интересы религіи относятся къ области духовнаго, то есть, воображаемаго; интересы же науки—всечѣло къ миру реальнаго и практическаго“. Отсюда неизбѣжный, будто бы, выводъ: „во-1), нѣвѣжество есть мать религіознаго благочестія; во-2), знаніе есть сила“ ³⁾). Борьба, длившаяся вѣка, должна всыхнуть съ еще большимъ ожесточеніемъ; но исходить ея очевидно: основанное на вымыслѣ и подлогѣ будетъ изуринуто; вѣра должна дать отчетъ о себѣ разуму; таинственность, загадки должны уступить мѣсто фактамъ. Религія принуждена будетъ сдѣлать повелительную позицію, столь долго ею удерживаемую, наукѣ“ ⁴⁾.

Въ наши дни столь рѣзкій тонъ, къ счастію, вышелъ изъ моды у историковъ, но у пѣкоторыхъ естествоиспытателей, болѣе самоувѣрѣнныхъ, чѣмъ широко образованныхъ, онъ еще, заднимъ числомъ, раздается иногда, какъ въ дни бывалые. Такъ, напримѣръ, бреславскій химикъ Ладенбургъ въ своей рѣчи „О вліянії естественныхъ наукъ на міровоззрѣніе“, произнесенной на Съездѣ пѣмененыхъ натуралистовъ и врачей въ 1903 г., не поцеремонился повторить старую пѣсню

¹⁾ Во всей этой полемикѣ противъ Церкви особенно доставалось католицизму: Дрэперъ, напримѣръ, видѣлъ въ немъ только „широкую систему обмана и падуательства“ (р. 284); къ протестантізму онъ относился гораздо снисходительнѣе, а къ православной Церкви даже совсѣмъ милостиво: она-де никогда, со временемъ возрожденія, не выступала въ походѣ противъ прогресса знаній; наоборотъ, всегда привѣтствовала его, хранила почтительное отношеніе къ истинѣ, откуда бы она ни происходила р. X.

²⁾ Предисловіе Тундэля къ книгѣ White'a, р. IV.

³⁾ Draper, 326.

⁴⁾ Draper, 367.

„о тысячелѣтиемъ средневѣковомъ царствѣ невѣжества, суетѣвѣрія и религіознаго безумія“, когда „вмѣсто голоса разума, слышенъ былъ хоръ ста тысячъ дураковъ“ ¹⁾), и вывести заключеніе, что „естествоиспытателю и до конца проповѣднико, приводить къ отрицанію всякой положительной религіи“ ²⁾.

Рядомъ съ этими задорными голосами раздавались, конечно, иногда и призывы къ миру, къ нейтралитету между религіей и наукой, но все-же съ вполнѣ определеннымъ заявленіемъ, что „нобѣда остается за послѣднею“ ³⁾. Исторія борьбы, говорить Уэйтъ, убеждаетъ, что бывшимъ врагамъ, богословамъ и естествоиспытателямъ, слѣдуетъ отнынѣ стать друзьями и мирно трудиться на общей инвѣ прогресса. Ясно однако, что, изъ двухъ враждовавшихъ въ прошломъ силъ, контролемъ истинѣ и руководительницею жизни въ будущемъ станетъ наука, не во вредъ, а во укрѣпленіе религіи ⁴⁾. Многое въ религії, замѣчаетъ Севеджъ, извергнуто и развѣяно въ прахъ наукой; но все это, въ строгомъ смыслѣ,— не религія, а только ложная теорія человѣческія; религія же, очистившись отъ нихъ, испамѣбримо выиграла отъ пораженій, нанесенныхъ ей наукой ⁵⁾.

Какое возбуждающее, антирелигіозное дѣйствие оказывали подобныя рѣчи, подкрепляемыя будто-бы неопровергнутыми свидѣтельствами исторіи цивилизацій,—это многое изъ насы имѣли, конечно, случай наблюдать въ бывшіе годы, а можетъ быть, и испытывать на себѣ лично. Рядомъ съ такими, написанными научными, въ дѣйствительности же намѣтными, обвинительными историческими процессами противъ религіи пронадали почти незамѣченными работы дѣйствительно серьезныя и безпристрастныя на ту же тему, напримѣръ, Цѣклерова не краснорѣчивая, но изумительная по объему огромной, превосходно усвоенной литературы предмета „Исторія отношеній богословія къ естествоиспытанию“ ⁶⁾. Равнымъ обра-

¹⁾ Ladenburg. Ueber den Einfluss der Naturwissenschaften auf die Weltanschauung. Leipzig, 1903, 7—8.

²⁾ Тамъ-же, 31—32.

³⁾ White, 145.

⁴⁾ White, 145—149.

⁵⁾ Savage. Religion of Evolution. Boston, 1891, 20, 22.

⁶⁾ Zückler. Geschichte der Beziehungen Zwischen Theologie und Naturwissenschaft. Gütersloh, 1877 ff.

зомъ лишь тѣсному кругу специалистовъ оставались извѣстными солидныя монографическія работы отъ отдѣльныхъ выдающихся ученыхъ былыхъ временъ, работы, изъ которыхъ съ одной стороны явствовала глубокая связь большинства этихъ великихъ людей съ религіознымъ настроениемъ ихъ времени, а съ другой раскрывались точные мотивы отношеній церковной власти къ нимъ и къ ихъ открытиямъ. Сколько преувеличенныхъ и тейденціозныхъ сужденій объ отношеніи, напримѣръ, къ коперниканской системѣ и къ Галилею, такъ часто повторявшихся въ общедоступныхъ статьяхъ, книжкахъ и публичныхъ чтеніяхъ, приходится значительно смягчить или совсѣмъ отбросить послѣ внимательнаго изученія нынѣ опубликованныхъ, сюда относящихся документовъ¹⁾ и при болѣе полномъ, нежели прежде, знаніи условій тогдашней культурной среды! Но многие-ли изъ вопіющихъ о жестокости и обскурантизмѣ Церкви противъ великихъ „мучениковъ науки“ знакомы съ подлинными первоисточниками отношеній къ нимъ? точно такъ же, какъ многие-ли изъ громогласныхъ мстителей за судьбу „мученика философіи“, Джордано Бруно, хотя бы одинъ разъ въ жизни интересовались заглянуть внимательно въ его творенія, огромному большинству даже по своимъ заглавіямъ неизвѣстныя, и тѣмъ почтили бы его болѣе и правдивѣе, нежели криками сожалѣнія о томъ „героѣ мысли“, котораго они не только не знаютъ, но и узнать не стараются?..²⁾.

1) Кромѣ работъ Prowe о Копернике см. D. Berti. Copernico e le vicende del sistema copernicano in Italia. Roma, 1874, гдѣ даны, въ приложении интересные документы о Копернике, Галилеѣ и Бруно.—Акты Галилеева процесса появились въ двухъ изданіяхъ: Les piÃces du procÃs de Galilee par H. de l' Epinois. Rome et Paris, 1887 и Die Akten des galileischen Prozesses nach der vaticanischen Handschrift hrsg. v. Gebler. Stuttgart, 1867. Ср. Schantz. G. Galilei und sein Prozess nach der neuesten Forschung. Wurzburg, 1878. Послѣдующіе изслѣдователи вопроса о преслѣдовавшемъ Галилея все болѣе укрѣпляются въ выводѣ, что главную причину гоненія были не принципіальные мотивы, а личные, со стороны іезуитовъ и сторонниковъ перипатической философіи. См. между прочимъ объ этомъ Caverni. Storia del metodo sperimentale in Italia. Т. II. 346 sqq. Ferenze, 1892.

2) Лучшимъ доказательствомъ тому служить безуспѣшность усилий осуществить изданіе полного собрания его трудовъ, о чёмъ, какъ объ актѣ национальной неблагодарности, скорбѣтъ итальянскій министръ въ ролеваго просвѣщенія Доменико Берти (Berti. G. Bruno da Nola; sua vita e sua dottrina. Nuova (2-я) edizione. Torino Roma. 1889, 20—21), знатокъ

IV.

Подготовленное всеми выщерченными условиями предубеждение о несогласимости вѣры съ наукой сразу окрыло и получило широкое распространение, благодаря появлению дарвинизма. „Исторія (замѣчасть одинъ „свободомыслійцій“ писатель) не знаетъ другого примѣра, подобнаго той великой революції, какую произвѣтъ въ области религіозной мысли дарвинизмъ... Ничто не оказывало столь широкаго и энергичнаго вліянія на умы, ничто столь ни умножило ряды отступниковъ отъ правовѣрія, какъ теорія Дарвина“¹⁾. Тѣперь, когда побѣдоносная волна увлечения дарвинизмомъ смѣнилась рѣшительнымъ отливомъ сочувствія, не легко уже возстановить во всей язвости первоначальную силу впечатлѣнія, произведенаго новою теоріей на людей самыхъ разнородныхъ убѣждений. Когда, въ 1863 г., Генкель на Штетинскомъ съездѣ естествоиспытателей впервые публично излагать Дарвинову теорію развитія, его рѣчь была встрѣчена проникненіемъ улыбками, какъ „побѣдѣденный сонъ размечтавшагося ученаго“. Но съ поразительной быстротою болѣнистству серьезныхъ умовъ стало ясно, что выдвинутая на первый планъ вопросъ величайшей важности, вопросъ о твореніи и что новое рѣшеніе его гласило: „природа сама себя создаетъ и совершенствуетъ“²⁾. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изображается этотъ переворотъ въ вольнодумной агитационной литературѣ: „до 1859 года научныя миѳія относительно процесса развитія органическаго міра были

Бруно, много имъ занимавшійся, но „не желавшій, чтобы его смысливали съ толпою буйныхъ поклонниковъ Ноланца“ (L. c.). Предпринятое въ 1879 г. (черезъ 43 года поспѣхъ неполнаго изданія *нѣмцемъ* Гфререромъ) изданіе латинскихъ сочиненій остается и до сихъ поръ незаконченнымъ; итальянскія сочиненія, изданныя *нѣмцемъ* Вагнеромъ въ Германіи въ 1830 г., ждали болѣе полувѣка перепечатки *нѣмцемъ* же Делагардомъ (въ 1858 г.), и только въ 1907—8 г.г. нашелся итальянецъ (giov. gentile), издавшій ихъ, наконецъ, въ Италіи (Varig), гдѣ не читающіе Бруно „буиные поклонники его“ ежегодно устраиваютъ однако, въ честь его, антицерковную демонстрацію!

¹⁾ Fred. Millar. Darwinism and Religious Thought. London. p. 1, 3.

²⁾ R. France'. Der heutige Stand der Darwin'schen Fragen. 2 Aufl. Leipzig, 1907, 16.

хаотичны: мужи науки бродили опутино, въ потемкахъ; на вопросъ вѣрующиихъ, признававшихъ специальное творение: „что можете вы предложить убѣдительного вместо него?“— отвѣтить было нечего; но вотъ явился Дарвинъ... и „быть свѣтъ!“ Его книга была сигнальною ракетою, разогнавшию мракъ и ставшую путеводиою звѣздою для доселъ ослѣленныхъ... Свершился замѣчательнѣйший, богатый отдаленными слѣдствіями переворотъ въ религіозныхъ взглядахъ мыслящей части христіанства... Еще вчера исторія творенія по книгѣ бытія была принята даже образованными людьми, какъ несомнѣнно истинная; сегодня на нее смотрѣть какъ на отжившую свое время легенду; еще вчера вѣра въ управление міромъ специальнымъ провидѣніемъ пользовалась почти всеобщимъ одобрениемъ; сегодня она отброшена каждымъ вдумчивымъ умомъ, какъ лишній всякой цѣны догматъ; вчера аргументъ цѣлесообразности въ природѣ удовлетворялъ большинство мыслящихъ людей; сегодня, ири свѣтѣ закона естественнаго подбора, онъ сталъ никуда негоднымъ... Вчерашнее мѣсто Бога, правящаго міромъ по Своему произволу, внимавшему молитвамъ и отвѣчавшему на нихъ, сегодня заняло новыи богъ—непостижимая сила, движущая все по неизмѣннымъ естественнымъ законамъ и не слышащая ни вонзей угнетенныхъ, втоптаныхъ въ прахъ вдовъ и спротъ, ни предсмертныхъ стоповъ миллионовъ существъ, гибнувшихъ въ неумолимой борбѣ за существованіе¹⁾... Казалось бы, есть чѣмъ хвалиться и чему ликовать, даже если бы предположеніе и было вѣрно! И однако и хвалились, и ликовали! Даже такой серьезный философъ, какъ Гартманъ, заявлялъ, что „у насъ, сыновъ новаго времени, иѣть выбора отклонять ли или принимать (дарвиново) ученіе о прошежденіи видовъ: мы должны его принять, потому что мы уже не въ состояніи держаться за чудо творенія въ его грубой формѣ“²⁾. А болѣе легкомысленные вскѣлицы: „некуда укрыться отъ факта, что дарвинизмъ виситъ взорвать на воздухъ христіанскую вѣру... и не оставить даже тѣихъ надеждъ на будущую жизнь“³⁾.

¹⁾ Millar. 1—2.

²⁾ Ed. v. Hartmann. Wahrheit und Irrthum in Darwinismus. 1875, 24.

³⁾ Millar. 5: 8—9.

. Подъ вліяніемъ такого настроенія въ средѣ „свободомыслиящихъ“, раздался и въ переутіганихъ церковныхъ кругахъ тревожный кликъ: „дарвінізмъ есть отрицаніе христіанства“, пожалуй, „каждаго положенія христіанской вѣры!“¹⁾. Даже такимъ осторожнымъ и несклоннымъ къ невѣрію умамъ, какъ Романесъ, казалось, что „христіанство, въ смыслѣ рациональной системы, не выдержитъ удара, нанесенного ему дарвінізмомъ, одновременно съ развитіемъ отрицательно-критической школы богословія“²⁾. Другой, также очень осмотрительный мыслитель, высоко цѣнимый Дарвіномъ³⁾, американецъ Фиске называетъ новую теорію эволюціи величайшую изъ революцій въ исторіи человѣческаго мірономінанія, полнымъ переворотомъ въ концепції вселенной, превращеній отныне изъ сотвореній въ растущую и саморазвивающуюся“. Этимъ, будто-бы, „вырвана была послѣдняя пядь земли изъ подъ ногъ богослововъ, отстававшихъ идею созданія міра сверхъестественнымъ процессомъ, руками Творца“⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ была, утверждаютъ дальше, „во мгновеніе ока опрокинута и вся старинная телеология“⁵⁾, а съ нею, какъказалось материалистамъ, „и самое употребительное, спытывшее, популярнѣйшее и якобы неопровергнутое доказательство бытія Бога“⁶⁾. „Дарвінъ, этотъ Коперникъ и Ньютона органіческой природы“, воскликнѣтъ Геккель⁷⁾ „единымъ мають убить наповалъ антропоцентризмъ міра и антропоморфизмъ Бога, очеловченіе вселен-

1) White. *The Warfare of Science*, 147.

2) Romanes. *Gedanken über Religion*. Göttingen, 1899, 136.

3) По поводу его статей Дарвінъ писалъ: „я никогда въ жизни не читалъ болѣе яснаго излагателя, а слѣдовательно, и мыслителя, какъ вы... Мне было отрадно замѣтить, что я самъ, своими необработанными мыслями, пришелъ къ однімъ заключеніямъ съ вами, хотя и никогда не могъ, или лишь нарѣдка быть въ состояніи указать свои основанія для этихъ выводовъ“. Ch. Darwin въ отзывахъ о сочиненіяхъ Фиске, приложенныхъ къ Fiske. *Idea of God, as affected by Modern Knowledge*. Boston and New York, 1893, признаніе чрезвычайно важное для опредѣленія расцѣнки самимъ Дарвіномъ своихъ теоретическихъ, принципіальныхъ положений.

4) Fiske. *Idea of God*, 131—133.

5) Idem, 128.

6) Büchner. *Das Gottesbegriff und dessen Bedeutung in der Gegenwart*. Leipzig, 1874, 24 ff.

7) Геккель. *Мировые загадки*, 1907, 260; 263.

ной и вечеловѣченіе Бога“¹⁾ и „дать намъ ключъ къ вопросу всѣхъ вопросовъ, къ великой загадкѣ положенія человѣка въ природѣ и его промеждѣнія“²⁾. „Магическое слово „развитіе“ разрушило мистическую проблему творенія“³⁾. „Изъ всѣхъ вопросовъ нашего вѣка (добавляется Саваджъ) не было, по наущной, практической, неотложной важности, ни одного, способнаго приблизиться къ вопросу, возбужденному Спенсеромъ, Дарвиномъ и Геккелемъ. Если эволюція—истина, чѣмъ же остается отъ религіи?“⁴⁾. И представители невѣрія дружнымъ хоромъ отвѣчали: „ничего!“.

Въ настоящее время, какъ известно, положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось⁵⁾: въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка дарвинизмъ побѣдоносно облѣтѣть всѣ культурныя страны; о какихъ-либо ограниченіяхъ его не хотѣли слышать⁶⁾: въ 80-хъ го-

¹⁾ Haeckel. Der Monismus. 6 Aufl. Bonn, 1893, 13.

²⁾ Мировыя загадки, 14—15.

³⁾ Тамъ-же, 87, 241—242.

⁴⁾ Savage. Religion of Evolution. Boston, 1891, 35; 5.

⁵⁾ Хорошій обзоръ перемѣнъ, происшедшихъ въ самомъ дарвинизмѣ и въ отношеніяхъ къ нему можно найти у R. H. Francé. Der heutige Stand der Darwin'schen Frage. (2 Aufl. von Die Weiterentwickluug des Darwinismus) Leipzig, 1907; G. Wolff. Der gegenwrtige Stand des Darwinismus, Leipzig, 1896. M. Kassowitz, Die Krisis des Darwinismus въ Zukunft, 1902, Februar; H. Meyer. Dr gegenwrtige Stand der Entwicklungslehre. Bonn. 1908. A. A. Тихомировъ. Судьба дарвинизма. СПБ. 1907; E. v. Hartmann, Der Darwinismus seit Darwin въ Annalen der Naturphilosophie, hrsg. v. Ostwald. II B., 285 ff. (Leipzig, 1903); въ его же Das Problem des Lebens. 1906, 1—77. Reincke Die Welt als That. 5 Aufl 1908, 391 ff.—Съ консервативно—дарвинистической точки зренія ср. статью А. Р. Уоллеса, Современное состояніе дарвинизма—въ прибавленіи къ его книгѣ—Дарванизмъ 2 русс. издание, Москва, 1911, 546 и слл.

⁶⁾ Самый видный примѣръ этой предубѣжденности—неуспѣхъ крупнаго труда Альберта Виганда. Der Darwinismus und die Naturforschung Newtons und Cuviers. Braunschweig, 1874—77, глубокое зиначеніе котораго позднѣе признали сами, отрезвившіеся отъ своего увлеченія, дарвинисты. Столъ же маловѣрительными оказались при своемъ опубликованіи возраженія противъ Дарвина учения Карла фонъ Бера (1886), Нэгели и другихъ солидныхъ біологовъ. Еще менѣе, разумѣется, считались съ несочувствіемъ представителей другихъ естественныхъ наукъ, хотя бы даже и такихъ знаменитостей, какъ физикъ Кельвинъ (W. Thomson-Kelvin. Popular Lectures and Addresses. London, 1894. II, 204) и астрономъ Гершель, иронически называвшій теорію естественного подбора „таинственнѣйшею изъ тайнъ“.

дахъ оиъ царить почти полновластно въ ученыхъ кругахъ; въ 90-хъ противъ него стали раздаваться уже съ усилѣемъ сначала отдѣльные, потомъ—соединенные голоса, а въ первомъ десятилѣтїи XX вѣка „его унадокъ представляется уже неудержимъ“¹⁾. Сравнительно немногочисленными, дѣйствительно компетентными и авторитетными біологами, упорствующими въ вѣрности не только его широкимъ обобщеніямъ, но и детальнымъ выводамъ, приходится сдавать противникамъ многія изъ прежнихъ позицій, казавшихся неприступными, и съ трудомъ защищать остающіяся²⁾. „Значительное большинство представителей современного естествознанія—противники дарвинизма“, пишетъ Г. Мейеръ въ 1908 г.³⁾, а Гетте уже десятью годами раньше указываетъ на то, что многіе натуралисты придерживаются дарвинистическихъ теорій только ради защиты механическаго объясненія цѣлесообразности противъ растущей склонности новѣйшихъ біологовъ къ витализму⁴⁾—положеніе, по выражению Дю-Буа-Реймона, „сходное съ опущеніемъ утонающаго, хватающагося за легковѣсную дощечку“⁵⁾. Цѣлый рядъ ревностныхъ сторонниковъ переносить съ течеіемъ времени къ противоположнымъ убѣжденіямъ, а остающіеся вѣрными дарвинизму признаютъ не только напінность кризиса въ немъ, но и то, что за 40 лѣтъ остаются все еще не сбывающимися надежды подтвердить его теоріи фактическими доказательствами⁶⁾.

Если таковы признанія сторонниковъ дарвинизма, то неудивительно, что съ точки зрѣнія его рѣбнительныхъ противниковъ оиъ „отнюдь не можетъ считаться теоріей хоть сколько нибудь научно-обоснованной“, а является „полнымъ

1) Hartmann. Problem des Lebens, 13, 71.

2) Списокъ „уцѣлѣвшихъ“ основныхъ положеній теоріи развитія у France, op. cit. 156 ff., съ точки зрѣнія иначе-мыслящихъ, могъ бы, разумѣется, оказаться еще короче.

3) H. Meyer. Der heutige Stand der Entwicklungslehre, 14.

4) Hartmann, Problem des Lebens, 74. О надеждахъ, возлагавшихся на Дарвинау теорію сторонниками механическаго міровоззрѣнія и о послѣдующемъ разочарованіи въ ней въ этомъ смыслѣ, при соотвѣтствующемъ поворотѣ въ сторону витализма, см. Braeunig. Mechanismus und Vitalismus in der Biologie des XIX Jahrhunderts. Leipzig, 1907, 85 ff.

5) Hartmann, 73.

6) B. F. v. Wagner въ Umschau, 1900, ? Heft у Hartmann, 77.

недочетовъ и невозможныхъ противорѣчий¹⁾. Для некоторыхъ онъ уже—„на смертномъ одрѣ“²⁾, а по мнѣнію Дрина онъ уже—„достояніе прошлаго, исторіи, въ качествѣ курьеза минувшаго вѣка,... для понимающихъ дѣло онъ уже давно умеръ, и то, что за послѣднее время еще приводится въ его пользу, мало чѣмъ отличается отъ похоронной рѣчи, спрѣвляемой по правилу „de mortuis nihil, nisi bene“, со внутреннимъ однако сознаніемъ несостоительности того, что защищается“³⁾. Конечно, далеко не всѣ раздѣляютъ столь полное разочарованіе въ недавнемъ увлечениѣ и многіе присоединяются къ мнѣнію, высказанному Гертвигомъ на Аахенскомъ съѣздѣ патуралистовъ (1900 г.), что „если бы Дарвинова гипотеза даже и была совсѣмъ отброшена, эволюціонное ученіе все же осталось бы, въ качествѣ фактически обоснованного, одного изъ величайшихъ завоеваній нашего вѣка“⁴⁾: многіе еще готовы согласиться съ „итогомъ“, выведеннымъ Гартманномъ: „дарвинизмъ осужденъ; эволюціонное ученіе обезнечено“⁵⁾ и принять въ серьезномъ смыслѣ полуироническое восклицаніе Деннерта: „дарвинизмъ умеръ! да здравствуетъ эволюціонное ученіе!“⁶⁾,—но во всякомъ случаѣ, сколько нибудь знакомому съ современными теченіями въ биологии ясно, что о прежней восторженной вѣрѣ въ полную или даже существенную непретожность дарвинизма въ наши дни не можетъ быть и рѣчи. Штейнманъ

¹⁾ А. А. Тихомировъ, Вина науки. Москва, 1907, 45, 7, 43, 39: „въ разсужденіяхъ Дарвина о красотѣ въ живомъ мірѣ, о нравственномъ чувствѣ человѣка, о любви—нѣть и тѣль научности; но вѣдь таковъ по существу и весь дарвинизмъ“. Ср. его же Въ области биологии. Москва, 1909, 33—34 и Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ. СПб. 1910, 10.

²⁾ Vom Sterbelager des Darwinismus,—такъ озаглавилъ Деннерть сборникъ своихъ журнальныхъ статей противъ дарвинизма, Stuttgart., 1903.

³⁾ Biologisches Zentralblatt. 1896, 355 и 1902, 182. Въ своихъ Джіффордовскихъ чтеніяхъ (1907 года) тотъ же біологъ, отличая взгляды самого „не-догматика и не-материалиста“ Дарвина отъ грубаго „догматического дарвинизма“ его послѣдователей, особенно изъмѣцкихъ, находить, что этотъ „дошедшій до абсурда“ догматизмъ, „палъ по всей линії“. Hans Driesch. The Science and Philosophy of the Organism. London, 1908, 260—261, 269.

⁴⁾ Приведено у Wasmann. Die moderne Biologie und die Entwicklungs-theorie 3 Aufl. Freiburg, 1906, 267.

⁵⁾ Hartmann. Problem des Lebens, 77.

⁶⁾ Такъ у France', op. cit., 36.

(ректоръ Фрайбургскаго университета), съ точки зрењія данныхъ палеонтології, замѣчаєтъ: „давно прошло то время, когда Дарвиновы объясненія считались людьми панвиод-догвірчевыми за альфу и омегу эволюціонаго ученія“¹⁾), а известный мюнхенскій біологъ Паули ставить следующи, еще болѣе рѣзкій приговоръ надъ прошлымъ ученымъ ученіемъ: „вся задача критики Дарвинова исевдообъясненія должна ограничиться отдѣленіемъ другъ отъ друга двухъ связанныхъ въ нейteleologії. Отѣченное отъ всякой связи съ истинною teleologії, изолированное въ области чистаго ученія о случаѣ, безспѣе начала отбора столь очевидно, что ни одинъ здравомыслящий человѣкъ не можетъ и думать о дальнѣйшей поддержкѣ его... Никто въ настоящее время не осмѣлится отвѣтить утвердительно на вопросъ: „могли ли организмы быть образованы случаемъ“.. и для потомковъ будеть казаться парадоксомъ въ исторіи нашего времени, что наука дерзнула перепрыгнуть черезъ ту логическую необходимость, отъ которой человѣкъ никогда не можетъ быть избавленъ и которой не могло бы противорѣчить и само Дарвиново мышленіе, если бы эту тяжкую ошибку суждения не скрыта отъ него истинная teleologія, съ которой связана была его злополучный принципъ“²⁾), по связи неподтверждовательно и неправомочно.

Переворотъ, произошедши въ области дарвинизма и въ отношеній къ нему компетентныхъ лицъ, разумѣется, не безызвѣстенъ въ кругахъ, изъ которыхъ исходитъ агитационная литература невѣрія; по здѣсь этого рода факты упорно замалчиваются; здѣсь публикѣ продолжаютъ доносить, что будто бы въ главной ученої твердынѣ атеистического міровоззрѣння все обетоинъ благополучно; что, „хотя кое-гдѣ и обнаруживались пробѣлы въ Дарвиновомъ ученіи, тѣмъ не менѣе его можно назвать единственнымъ, выдержавшимъ огненное испытаніе объективной критики естествознанія“³⁾). Здѣсь не только эволюціонная теорія въ общихъ чертахъ прославляется какъ „высшее приобрѣтеніе всей духовной жизни человѣка“⁴⁾), по даже ученіе о половой подборѣ,

¹⁾ Steinmann. Freiburger Rektoralrsrede, 1899, J. 63 у Meier, 15.

²⁾ Aug. Pauly. Darwinismus und Lamarkismus. München, 1905, 40, 41.

³⁾ Specht. Theologie und Wissenschaft. 4 Aufl. Gotha, 1893, 127.

⁴⁾ Idem, 279

по словамъ Паули, „безчисленное число разъ уничтоженое критикою“ ¹⁾ и отъ которого (говорить В. Шнэйдер), за немногими исключеніями, отвернулись всѣ новѣйшие патуралисты какого бы то ни было направлениія²⁾, продолжаетъ слыть за „достоинную истину, затрогивать которую считаются оскорблениемъ великаго имени“ ³⁾, за учение „вполнѣ доказанное“ ⁴⁾ за „сумму всѣхъ процессовъ и всей кажущейся цѣлесообразности во всемъ органическомъ мірѣ“ ⁵⁾. Популяризаторы тенденціознаго знанія и понынѣ твердятъ, что „дарвинизмъ—не рядъ только гипотезъ, какъ утверждаютъ некоторые тихоходы мысли, а законы простѣйшаго и потому вѣрѣйшаго объясненія явлений жизни. Отрицающіе ихъ примѣнимость къ человѣку должны быть заподозрѣны относительно способности дѣлать самыя элементарныя логическія заключенія“ ⁶⁾, а ученые, дерзающіе упрекать дарвинизма въ проблематичности и бездоказательности его заключеній, обзываются „попами науки, оставляющими одно міровоззрѣніе про себя, а другое—для женщинъ и для простонародья“ ⁷⁾. Въ противодѣствіе обскурантизму и рекомендуются скорѣйшее распространеніе среди народа дарвинизма, какъ ученія, будто бы превосходящаго всякое другое по умственной и нравственной пользѣ ⁸⁾.

Несомнѣнно, главнымъ побудительнымъ мотивомъ пропаганды эволюціонаго ученія въ той агитационной средѣ, о которой мы говоримъ, являются выводимыя изъ него антирелигіозныя заключенія. Ихъ позволяютъ себѣ дѣлать не въ однихъ популярныхъ брошюрахъ и листкахъ, но и съ

¹⁾ Pauly. Darwinismus und Lamarckismus, 42.

²⁾ W. v. Schpehen. Energetische Weltanschauung. Leipzig, 1908, 86—87: 72.

³⁾ Pauly, l. c.

⁴⁾ Такъ въ изумительной по догматической безщеремонности книжкѣ проф. П. И. Ковалевскаго. Міроздавіе, 45, 86 и слл.

⁵⁾ Specht, 181; 187.

⁶⁾ Idem, 225—6.

⁷⁾ Idem. 288.

⁸⁾ Idem, 226—7. „Для дехристіанизованныхъ круговъ ученіе Дарвина было прямо желательной находкой“, замѣчасть А. А. Тихомировъ. Въ области біологии, 23,—а Деннертъ полагасть, что антихристіанская тенденція Геккелева монизма являются главнымъ привлечениемъ къ нему среди мало развитой части общества. Dennert. Die Naturwissenschaft und der Kampf um die Weltanschauung. 1908. Frankfurt a. M., 5 ff.

университетскихъ кафедръ: такъ профессоръ біологіи Левантекъ, читаюцій въ Сорбоннѣ, объявляеть, что „въ мірѣ все происходитъ такъ, какъ будто Бога не существуетъ: „слово Богъ ничего не объясняеть, если въ мірѣ есть загадки, ихъ не зачѣмъ умножать еще одною—Богомъ“¹⁾.

Другой, парижскій же профессоръ, въ 1909 г. позволилъ себѣ такую тираду: „думу выдумали богословы; но (въ научномъ смыслѣ) она ни къ чему не нужна“²⁾. Основанный Геккелемъ „Союзъ монистовъ“ не церемонится распространять такого рода догматическая утвержденія, напримѣръ: „природа есть единое и единственное сущее; кромъ природы принимать еще что-то, сверхъ—или виѣ-природное, такое, что произвело самое природу и что руководитъ ею,—къ этому нѣть никакихъ оснований. Природа—все: она—наивысшее и всеобъемлющее; виѣ ея ничего быть не можетъ, и въ особенности не можетъ быть никакого отъ нея отличного, падъ нею стоящаго божества: для такого нигдѣ мѣста не имѣется“³⁾. „По вопросу о Богѣ“, восклицаетъ анархистъ Вивіаннъ, „всѣ огни угасли на небѣ“ и, прибавляеть соціалистъ Жоресъ, „всѣ голоса смолкли на землѣ“⁴⁾.

Какъ бы поверхности и фанатичны ни были подобные приемы распространенія невѣрія, нельзя отрицать того, что они пользуются не малымъ успѣхомъ, и притомъ отнюдь не въ одной парижской средѣ, которую, какъ видимъ, одурачиваютъ не всегда одинъ только „ионы науки“. Даже въ широкомъ кругу западной и нашей интелигенціи предубѣждение о несогласимости данныхъ науки съ учениемъ религіи чрезвычайно распространено, причемъ основою этого предубѣжденія является для подавляющаго большинства не самостоятельное обсѣданіе данного вопроса, а стѣное довѣріе къ установленному въ этой средѣ выводу, будто всѣ или почти всѣ ученые—певѣрющіе. Въ установленіи этого, со-

¹⁾ F. Le Dantec. *Le Conflit. Entretiens philosophiques.* Paris 1901, 73, 147. 237—238.

²⁾ Guibert, *Les croyances religieuses et les sciences de la nature.* Paris, 1909, 24.

³⁾ Kramer-Magdeburg. *Die Religion der Zukunft -Deutscher Monisten-Bund.—Propaganda Flugschrift der Ortsgruppe Hamburg.* Verlag des Deutsch. Monist.-Bundss. Hamburg, 1908. 5.

⁴⁾ Guibert, 13.

вершенно вздорного чиѣнія въ значительной степени по-
винна популярная антирелигіозная литература. Поразительна
авторитетность тона и непререкаемость, которая придается
здесь этому утверждению! Вотъ что, напримѣръ, читаемъ
въ одной изъ брошюръ „Нѣмецкаго Союза Монистовъ“: „ре-
лигія будущаго, то есть, научное міровоззрѣніе не нуждается
въ Творцѣ... Старая вѣра въ него несостоятельна; она про-
тиворѣчить и наукѣ, и разумному мышленію... Признавать,
что природа имѣла моментъ начала—немыслимо, хотя въ
настоящее время некоторые натурфилософы и считаютъ
нужнымъ призвавать его; но это—не логично... Наука и раз-
умъ требуютъ вѣры въ вѣчность всеобъемлющей при-
роды“¹⁾. Въ соціалистическихъ агитаціонныхъ брошюрахъ
систематически повторяютъ, что „всѣ естествоиспытатели,
почти безъ исключеній,—невѣрующіе“²⁾. Такъ, напримѣръ,
въ „Азбукѣ Знанія“ Дуэ читаемъ: „наши величайшіе нату-
ралисты—невѣрующіе...; вы же, господа набожные, еще ни-
когда не разрѣшили ни одной загадки бытія, не привнесли
нашь ни на одинъ шагъ къ сущности вещей, а всегда вели
нашь только къ заблужденіямъ воображенія“. Въ другой
книжонкѣ, сходнаго типа, говорится: „почти безъ исключеній,
всѣ естествоиспытатели и астрономы—радикально невѣ-
рующіе; они столь же мало, какъ и мы, понимаютъ вселен-
ную, однако единогласно заявляютъ, что въ ней неѣть ни
мъста, ни дѣла для Бога“³⁾. Точно также въ наиболѣе рас-
пространяемой англійской Ассоціаціей Раціоналистической
Прессы вольнодумной книжкѣ Вівіана Филипса считается
„въ высшей степени сомнительнымъ, чтобы паничеся хотя
бы одинъ ученый или философъ, который дѣйствительно
придерживался бы доктрины личнаго Бога“⁴⁾, а англійскій
переводчикъ и панегіристъ Геккелевыхъ „Мировыхъ зага-
докъ“ Макъ-Кэбъ утверждаетъ, что „современные представи-
тели науки—материалисты, атеисты, агностики и противники
христианства, и по необходимости должны быть таковыми“⁵⁾.
„Невѣріе царить всюду“, пишетъ Чарльзъ Уаттсъ: „оно за-

¹⁾ Kramer—Magdeburg. Op. cit., 6—7.

²⁾ Foerster. Das Christenthum unserer Zeitgenossen, 4—5.

³⁾ Dennert. Die Religion der Naturforscher. 7 Auflage, Berlin, 1908, 12.

⁴⁾ Arth. H. Tabrum. Religious Beliefs of Scientists. (London 1910) p. XI.

⁵⁾ Idem. p. 1. Ср. Mac-Cabe. Haeckel's Critics Answered. 1903 pass.

полонило наши научные центры¹⁾. „Новое разумное міровоззрѣніе, съ логическойю необходимостию внукаемое намъ новѣйшими успѣхами объединеннаго естествоznанія (слышишь мы отъ Геккеля), живеть въ глубинѣ души почти всѣхъ безпристрастныхъ и мыслящихъ естествоиспытателей, хотя лишь немногіе имѣютъ мужество или чувствуютъ потребность исповѣдывать его открыто²⁾. „Натуралистический монизмъ есть символъ вѣры по крайней мѣрѣ девяти десятыхъ всѣхъ нынѣ живущихъ естествоиспытателей“ ³⁾. Увлекающемуся, не ступающему противъ своихъ коллегъ автору „Мировыхъ загадокъ“ мерецится даже, будто „монистическимъ воззрѣніямъ удалось, наконецъ, достигнуть уже всеобщаго признанія“ и что „съ антропоморфическимъ представлениемъ о сознательномъ строителѣ и хозяинѣ міра наука окончательно разсталась: его замѣнили вѣчные, желѣзные, великие законы природы“ ⁴⁾. „Никто, въ наивномъ самообольщеніи воскликнѣтъ Геккель, никто уже не говоритъ о нравственномъ міронорядкѣ ни въ астрономіи и геологіи, ни въ обширной области физики и химіи. Ни одинъ голосъ не раздается здѣсь въ защиту идеи индивидуального Божества, премудро указавшаго всякой вещи ея мѣсто!“ ⁵⁾.

Подобныя грубо преувеличеныя обобщенія популярная литература невѣрія лѣть двадцать пять тому назадъ счи-тала нужнымъ уенацать еще особыми, никантными облаз-чами, разечтанными на стадные инстинкты малоразвитой циблики. „Ни одинъ образованій человѣкъ“,увѣрялъ, па-примѣръ, Бюхнеръ, „ни одинъ даже поверхностно знакомый съ успѣхами естествоznанія не можетъ вѣрить ни въ чудеса, ни въ Откровеніе... Разбирать философія доказательства бытія Божія значило бы возобновлять совершение пенужную давно и навсегда поконченную работу: разуясдать объ этомъ сдавали даже позволительно постъ новѣйшихъ успѣховъ науки“ ⁶⁾. „Наши отрицанія оправданы нашимъ знаніемъ“,

¹⁾ Ch. Watts. The Glory of Unbelief, 2.

²⁾ Haeckel. Der Monismus, Vorwort, 8.

³⁾ Der Monismus, 27.

⁴⁾ Мировые загадки, 268—269.

⁵⁾ Тамъ-же, 278.

⁶⁾ Büchner. Der Gottesbegriff. V.

гордо заявляла Ании Бизантъ¹⁾, еще не превратившаяся тогда изъ сотрудницы вольнодумца Брадлó въ преемницу теософки Блавацкой. Сообразно съ этимъ, участіе въ религіозномъ отрицаніи изображалось какъ признакъ солидарности въ убѣжденіяхъ съ просвѣщенѣйшею частью общества. „Вѣрить въ то, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію и что онъ изначала поставленъ вѣнцомъ творенія”, писалъ Милларъ, „не рѣшился въ наши дни ни одинъ человѣкъ, желающій, чтобы его считали за образованнаго”²⁾. „Конечно, еще многіе и, пожалуй, даже большинство, зовутъ себя религіозными и продолжаютъ вѣрить въ суевѣрія и въ догматы, взорванные Дарвиномъ. Но вѣдь такое большинство принадлежать къ недумающему, къ неразсуждающему классу! Среди же, обладающихъ мозгами для того чтобы думать и разсуждать, чтобы ставить рѣшенія самостоительно, словомъ, среди всѣхъ благосинтаниыхъ людей возраженія и насыпки противъ неогрѣбнѣйшей очевидности дарвинизма давно прекратились”³⁾. Теперь, говоритъ Бюхнеръ, „необходимъ новый натискъ для окончательного, решающаго устраненія того понятія (Бога), которое стоитъ ноперекъ дороги всему нашему умственному, социальному и политическому развитію, понятія, несогласимаго съ современнымъ научнымъ развитіемъ... Надо покончить съ этимъ худшимъ врагомъ всеобщаго прогресса! Невѣріе—единственный путь къ свободѣ, къ разуму, прогрессу, къ истинной человѣчности!”⁴⁾—„Невѣріе (добавлять Уатсъ)—только наша обязанность, какъ дѣятелей прогресса”⁵⁾. „Атеистъ (воскликнула Ании Бизантъ)—одинъ изъ самыхъ славныхъ титуловъ человѣчества, знакъ отличія мировыхъ героеvъ... мучениковъ, спасителей міра. Никакая философія, никакое богословіе не несли міру ничего достойнаго быть сравниваемымъ съ благою вѣстью атеизма”⁶⁾. „Только подобные, страха не знающие храбрецы свободны!” восклицаетъ Голіокъ⁷⁾. „тѣ (но-

¹⁾ Annie Besant. Why do I not believe in God. London, 1887, 5.

²⁾ Millar. Darwinism and Religious Thought. 3.

³⁾ Idem. 2, 11, 5.

⁴⁾ Büchner. Der Gottesbegriff. 50. Vorwort, III—IV и 45—46

⁵⁾ Watts. 1—2, 4, 7, 12.

⁶⁾ Annie Besant. The Gospel of Atheism. London, 1882, 7; 3

⁷⁾ G. I. Holyoake. The Logic of Death. London, 1887, 16. (100,000 экземпляровъ!)

ясняеть Милларъ), что не боятся идти на призывъ боевой трубы науки¹⁾, „тѣ (подтверждаетъ и Тиндерль), что не хотять покинуть духовнаго міра цѣною смерти разума“²⁾. „Честь же и слава“ (заключаетъ Биантий) этимъ передовыемъ бойцамъ прогресса, этому почетному авангарду арміи Свободы! честь и слава тому, кто для исправленія земли забыть о небѣ, тѣмъ, что, въ своемъ усердіи о человѣкѣ, забыли Бога!“³⁾.

Какъ видимъ, въ этихъ фантастическихъ призывахъ пущены въ ходъ всѣ облазны, весь задоръ мелочного тиеславія, жажды независимости и денежаго самопревознесенія, чтобы раздразнить и привлечь къ невѣрію умы либо незрѣлые, либо несамостоятельные, но податливые на лесть и падкіе на подражаніе модному, восхваляемому. Рѣчи этого рода, широкимъ потокомъ лившіяся въ восьмидесятыхъ годахъ въ Англіи, по теперъ тамъ уже смолкли, еще продолжаются въ извѣстныхъ кругахъ и въ настоящее время въ Германіи, Франціи и Италіи, а у насъ, стѣсняемая въ печатной формѣ, они въ полномъ ходу въ частныхъ бесѣдахъ, и аргументы, въ родѣ только что приведенныхъ, ежедневно раздаются въ большинствѣ горячихъ споровъ о несогласимости „старой вѣры“ съ „новою вѣрою“ въ разумность, гуманность, свободу и прогрессъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ пояснить, что и на Западѣ, въ данномъ случаѣ, измѣнился скрѣпѣ тонъ рѣчей, нежели сущность ихъ среди пропагандистовъ невѣрія. Но слѣдь столькихъ несбывшихся предсказаний о скоромъ унѣрдиеніи религіозной вѣры, ихъ не рѣшиаются повторять съ прежнею определенностью; но невѣріе продолжаютъ изображать привилегіей хотя еще меньшинства, но меньшинства избраннаго, за которымъ—ростъ и будущее. Не говорить ли Геккель: „число мыслителей, которые смѣло преодолѣвали дуализмъ и обращались къ чистому моизму, было всегда незначительно“⁴⁾ но зато, прибавляясь онъ, „я опираюсь на согласіе почти всѣхъ тѣхъ современныхъ естествоиспытателей, которые вообще имѣютъ мужество и склонность къ признанію законченного философскаго воззрѣнія“⁴⁾. Съ грустью

1) Millar, 11.

2) У Watts'a, 22.

3) Besant. Gospel of Atheism, 7.

4) Мировые загадки, 390—391.

констатируетъ также Клемансо стойкость „суевѣрій, преданій, обычаевъ, законовъ и учрежденій, порожденныхъ и поддерживаемыхъ старыми вѣроученіями. „Вѣра, вѣра! — вотъ лозунгъ правящихъ классовъ въ наши дни, какъ и въ прошлые... Высшіе классы не перестаютъ стараться вернуть народную массу къ религіи, и это удается имъ въ не малой степени... Зажиточный буржуа, скептикъ, самъ не вѣрящий ни въ Бога, ни въ дьявола, упорствуетъ однако въ сообщеніи своимъ дѣтямъ обоихъ, другъ другу противорѣчашихъ учений (церковнаго и научнаго)... Есть люди, дающіе своимъ дѣтямъ цѣльное единообразное обученіе; но это — рѣдкія исключенія“. Надо тѣмъ не менѣе помнить, заключаетъ Клемансо, что такая двойственность не позволительна вообще, и всего менѣе — „намъ, реформаторамъ и революціонерамъ!“ „Надо сдѣлать рѣшительный выборъ между вѣрою и знаніемъ“... Только наука истинно революціонна,.. и при помощи науки-то и надо, наконецъ, прійти къ ясному, цѣлостному познанію... И тѣ, которые подадутъ сичный примѣръ разрыва съ изолавшимися обычаями, тѣ будутъ наиболѣе существовать разрыву съ устарѣвшимъ міровоззрѣніемъ и... облагороженію человѣчества новою культурою“¹⁾. Задача эта не легка, полагаетъ извѣстный профессоръ Йодль, и пока нельзя еще съ увѣренностью сказать, скоро ли удастся привести христіанскую вѣру къ крушению соединеннымъ ударомъ естествознанія и библейской критики, подготавлиющей „великое банкротство исторической достовѣрности евангелій... Однако разрушительный процессъ неудержимо подвигается впередъ, и наука все болѣе и болѣе отвоевываетъ почву у религіи... Конечно, и впередъ будутъ вѣрующіе, какъ были они послѣ Штрауса!.. Конечно, останутся и въ будущемъ убѣжища для вѣры!.. Многое, даже въ самомъ ученомъ и философскомъ современному движеніи, добавляетъ эти возможности и укрѣпляетъ ихъ... Если теперь многіе естествоиспытатели вывѣтряиваютъ матерію до значенія только кажущихся явлений, и все, называемое нами міромъ, сводятъ на сознаніе, на одно центральное сознаніе: если многіе физики утверждаютъ, будто міръ не

¹⁾ G. Clemenceau. Glauben oder Wissen. Autorisirte deutsche Uebersetzung. (Bibliothek der Aufklarung). Frankfurt a. M. 1908, 18—24 и 28.

безконечень, а конечень и способенъ умереть... если многіе біологи теперь знать не хотять ученія первобытнаго самозарожденія, и ревностнѣе, чѣмъ когда либо, держатся принципа: „*живе виши ех ово*, жизнь можетъ быть порождаема только жизнью“; если между зоологами воскресаетъ опять старая доктрина о жизненной силѣ; если о Дарвинѣ черезъ полвѣка послѣ его смерти говорять какъ о легкомысленномъ шарлатанѣ, и психологія дуализма, ученіе о самостоятельной, отъ тѣла независимой и отдѣлимой субстанціи души приобрѣтастъ новыхъ послѣдователей; если въ настоящее время снова входить въ моду идеализмъ романтики,—то все это, конечно, симптомы, ясно указывающіе на то, что послѣднія твердыни вѣры далеко еще не вполнѣ минированы снизу и обладаютъ еще значительными силами сопротивленія. *А, быть можетъ, даже, ихъ и никогда не удастся завоевать?*.. Но если бы даже и такъ,—почему бы памъ, спокойно предоставивъ эти цитадели ихъ защитникамъ, самимъ не устроиться *вихъ ихъ*, вполнѣ удобно, и даже комфорtabельнѣе, нежели тамъ внутри, гдѣ приходится сидѣть на бочкѣ съ порохомъ, готовой каждую минуту взлетѣть на воздухъ?.. А чтѣ, если въ одинъ прекрасный день самозарожденіе будетъ доказано? А чтѣ, если предсказываемая смерть міра (черезъ умаленіе теплоты) окажется выводомъ ошибочнаго вычисленія ихъ неточнаго наблюденія? А чтѣ, если прогрессирующему мышленію человѣчества творящій и упорядочивающій Мировой духъ станетъ такою же мнѣческою личностью, какою для исторической критики стала Иисусъ изъ Назарета?.. Не вѣрнѣе ли будетъ смынуть теоцентристическую точку зреянія на антропоцентристическую, попытаться понять Бога изъ познанія человѣка, вмѣсто того, чтобы постигать человѣка изъ Бога... сознать Бога не какъ реальность, „а какъ проблему, не какъ напрѣальнѣйшее, а какъ напожелательнѣйшее существо, не готовое уже, а создающееся... человѣкомъ, звеномъ природы... на пути развитія отъ животнаго къ святыму, къ этически выработавшейся личности... создающей себѣ небо на землѣ?“¹⁾.

Мы позволили себѣ привести эту длинную гираду, исхо-

¹⁾ Iodl. Wissenschaft und Religion. Nach einem Vortrage gehalten zu Frankfurt a. M. am 5 Januar 1909, 21—25.

дланцу изъ-подъ пера не зауряднаго публициста, а извѣстнаго, серьезнаго ученаго—философа, для того, чтобы показать, что пропагандисты таихъ называемаго „ученаго не вѣрия“, болѣе упорные, чѣмъ безпристрастные, и въ иании дип остаются вѣрными старой тактикой: воеваясь религіозное отрицаніе, какъ привилегію избранныхъ умовъ, а несогласныя съ ихъ отрицаніемъ течения въ современномъ естествознаніи изображаясь какъ пережитокъ прошлаго или какъ временную реакцію противъ того, будто бы единственнаго истиннаго знанія, опредѣленіе коего они, съ непозволительной самоувѣренностью, представляютъ только самимъ себѣ, а не разномыслящимъ съ иными.

Посмотримъ-же теперь, насколько вѣрѣ эти догматическія утвержденія, этотъ фанатическій тонъ пропаганды и ся неразборчивая въ средствахъ тактика совпадаютъ съ действительнымъ положеніемъ новѣйшаго точнаго знанія и съ духовнымъ настроеніемъ его безпристрастныхъ и наиболѣе честныхъ представителей.

Владимиръ Кожевниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
